

Необычные
природные явления
в древнерусской
и чешской
историографии
XII–XIII веков
в сравнительной
перспективе*

Extraordinary
Natural Phenomena
in Old Rus' and
Czech Historiography
of the 12th–13th
Century in a
Comparative
Perspective

Йитка Комендова

Университет им. Палацкого,
Оломоуц, Чехия

Jitka Komendová

Palacký University,
Olomouc, Czech Republic

Резюме

В статье исследуется способ отражения необычных природных явлений (таких как исключительные астрономические или метеорологические феномены, стихийные бедствия и т. д.) в восточнославянских летописях и чешской историографии XII–XIII вв. Анализ сообщений данного типа показывает, что существуют фундаментальные различия в частотности

* This study is a result of the research funded by the Czech Science Foundation as the project GA ČR nr. 20-10163S „The Earliest Chronical Writing from Medieval Russia: Authorial Subject, Genre and Methods“.

Цитирование: Комендова Й. Необычные природные явления в древнерусской и чешской историографии XII–XIII вв. в сравнительной перспективе // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 2. С. 7–27.
Citation: Komendová J. (2022) Extraordinary Natural Phenomena in Old Rus' and Czech Historiography of the 12th–13th Century in a Comparative Perspective. *Slověne*, Vol. 11, № 2, p. 7–27.
DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.2.1

записи подобных сведений и их интерпретации в зависимости от местной традиции и историографического жанра. В историографии Венгрии и Польши этим темам уделяется минимальное внимание. Чешские средневековые историографические работы, напротив, не только содержат множество данных об астрономических и метеорологических явлениях, но также отражают широкий спектр взглядов на смысл записи необычных природных феноменов. Способ отражения природных явлений обусловлен как общим замыслом произведения, так и индивидуальным интересом конкретного автора. В древнерусских историографических текстах доминирует убеждение, что необычные астрономические и метеорологические феномены представляют собой один из кодов, с помощью которых Бог общается с человечеством. Таким образом, их тщательная фиксация служила инструментом для понимания моральных качеств людей, смысла истории, взаимоотношений между человеческим сообществом и Богом. В восточнославянской и чешской средневековой историографии запись необычных природных явлений укрепляет хронологическую структуру наррации, поскольку обе историографические традиции опираются на абсолютную хронологию как на основной принцип построения повествования. В то время как в чешской историографии записи об исключительных природных явлениях в первую очередь указывают на взаимосвязи между прошлым и настоящим, на Руси необычные природные явления понимались как своего рода зримая, наглядная связь между прошлым, настоящим и будущим.

Ключевые слова

природные явления, астрономия, метеорология, восточнославянское летописание, средневековое историописание Центральной Европы, средневековая Русь

Abstract

The study aims to determine the way in which the extraordinary natural phenomena, including exceptional astronomical or meteorological ones, natural disasters, etc., are reflected in East Slavic and Czech historiography of the 12th and 13th centuries. The analysis of such reports shows that there are fundamental differences in the frequency of these reports and their interpretation depending on the local tradition and the historical genre. While minimal attention is paid to these topics in historical records of Hungary and Poland, historiographical works of medieval Bohemia not only capture a wealth of data on astronomical and meteorological phenomena, but also reflect a diverse range of attitudes to the meaning of recording extraordinary natural phenomena. The way of reflection of these phenomena was given both by the overall intention of the work and by the individual interest of a particular author. The oldest historiographical texts of Old Rus' shared a strong belief that extraordinary astronomical and meteorological phenomena represent one of the codes by which God communicates with mankind. The recording of such phenomena therefore served as a tool to understand the moral qualities of the human race, the meaning of history, the relationship between man and God. In East Slavic and Czech medieval historiography, the recording of extraordinary natural phenomena strengthens the chronological structure of interpretation, as both

of these historiographical traditions emphasize absolute chronology as the basic principle of narration. While in Czech historiography the records of exceptional natural phenomena indicate the relationship between the present and the past, Old Russian chronicles understand extraordinary natural phenomena as a kind of visible, illustrative link between the past, present and future.

Keywords

natural phenomena, astronomy, meteorology, East Slavic historiography, Central European historiography, medieval Rus

Сообщения о небывалых природных явлениях, стихийных бедствиях, исключительных астрономических или метеорологических феноменах содержатся в ряде исторических источников европейского Средневековья. Историографы того времени записывали данные о солнечных и лунных затмениях, кометах, планетах или метеоритах, напоминавших наблюдателям огненных змеев. Особое внимание вызывали оптические атмосферные явления — ореолы (гало) или полярное сияние. Отдельный комплекс сообщений включает в себя сведения о наводнениях, штормах, граде, грозах в необычное время года и экстремальных перепадах температур, повредивших или полностью уничтоживших урожай, что вело за собой резкий рост цен на продовольствие или даже голод. Источники также фиксируют данные о землетрясениях. Появляются и сообщения о таких уникальных явлениях, как затмение, связанное с извержением вулкана, или «кровавый дождь». Сведения такого типа сегодня изучаются историками, специалистами в области естественных наук, исследователями, работающими в междисциплинарной области культурно-ориентированной исторической климатологии или же изучающими взаимодействие человека и климата в исторической перспективе¹.

¹ Сообщения о необычных природных явлениях в чешских историографических текстах исследуются через призму различных гуманитарных и естественных наук. С точки зрения естественных наук см.: [Link 1961: 559–571; Link 1962: 297–391; Setvák, Šálek, Munzar 2003: 589–605; Brázdil et al. 2012: 193–204]; с точки зрения исторической науки: [Bláhová 1992: 831–850]; с филологической точки зрения: [Kociánová 2007: 118–139]. Анализ всех астрономических сообщений древнерусских летописей дает [Святский 1915]. Во 2-м издании [Святский 2007] приведен наиболее полный каталог астрономических сведений в русских летописях, составленный редактором книги М. Л. Городецким. Летописные сведения о климатических аномалиях, их влиянии на продовольственное обеспечение Новгорода и связанных с этим кризисах рассматриваются через призму междисциплинарного подхода (к сожалению, без знания русскоязычной литературы) исследовательницей Хели Хухтамаа [Huhtamaa 2015: 562–590]. Перечень сообщений древнерусских, центральноевропейских и западноевропейских источников об экстремальных погодных колебаниях в

Важно исследовать не только фактическую основу подобной информации в средневековых историографических источниках, но и то, каким образом описываются эти явления, в какой контекст они встроены, как они интерпретируются и почему авторы считают важным включать данные такого рода в картину истории своей страны. Таким образом, анализ необычных природных явлений в средневековой историографии открывает перед нами комплексный процесс работы средневекового историографа (начиная с принципов отбора информации и выбора жанра исторического произведения и заканчивая его представлениями о сути историографического труда и самого смысла истории). Понимание этих вопросов может помочь найти ответ на, казалось бы, тривиальную, но на самом деле весьма сложную и многогранную проблему определения функций средневековых исторических произведений.

Сообщения об исключительных астрономических и метеорологических явлениях встречаются во всех древнерусских летописях, но их частотность и подробность отличается. Тимофей Гимон провел количественный анализ содержания древнейших историографических произведений средневековой Руси и подсчитал, что сообщения о необычных природных явлениях составляют около 10 % информации, в то время как тексты о политических событиях и военных действиях составляют более половины всего содержания летописей. С количественной точки зрения сообщения об экстремальных природных явлениях в летописях примерно сопоставимы с информацией о событиях в княжеской семье, строительстве храмов или смене церковных иерархов [Guimon 2021, 371–381]².

Наиболее слабо представлены сообщения о природных явлениях в Киевской летописи, что связано с интересом этого текста к подвигам князей и жизни княжеской семьи. Напротив, необычайная частота таких сведений в Новгородской первой летописи (НПЛ) обусловлена тем, что в этом памятнике в целом проявляется меньший интерес к военно-политическим событиям, почти до минимума сводятся известия о княжеской семье и — по сравнению с другими летописями — в гораздо

Средние века приводит [Бараш 1989]. К сожалению, можно назвать довольно поверхностным отрывок, посвященный русским летописям XI–XIII столетий в работе [Борисенков, Пасецкий 1983]. Новые исследования данной темы историками и литературоведами цитируются далее в тексте. Однако ни в случае древнерусских летописей, ни для историографии Центрально-Восточной Европы не был проведен всесторонний анализ, подобный тому, который был сделан для раннесредневековой историографии Латинской Европы в книге [Wozniak 2019].

² Поэтому в принципе верно утверждение Урсулы Бибер, которая без опоры на статистический анализ утверждает, что самая большая группа записей в летописях состоит из отчетов о военных конфликтах, будь то внутренние сражения или нападения извне, а вторая по величине группа — это фиксирование чрезвычайных природных явлений и вызванных ими катастроф [Bieber 2018: 72].

большей степени представлена внутренняя жизнь города. Поэтому летописцы системно отслеживают погодные колебания и стихийные бедствия, оказывавшие значительное влияние на производство продуктов питания и цены, а следовательно, и на общее качество жизни новгородцев [НПЛ, л. 11об.–12об., 23, 23об.–24, 37, 81–81об.]. В XIII в. в новгородской летописи стало меньше упоминаний о природных явлениях, а если они фиксировались, то в них преобладала моралистическая трактовка, так как они служили поводом для размышлений летописца о сущности божественной кары и милости [НПЛ, л. 110, 151].

НПЛ, описывая экстремальные проявления голода³, даже сообщает о случаях каннибализма или о собаках, поедающих младенцев и трупы на улицах, которые не успели похоронить [НПЛ, л. 12, 30об., 81об., 111об.]. Мотив антропофагии, усиливающий впечатление от упоминаний о страшных последствиях погодных колебаний или стихийных бедствий, неоднократно встречается в античной и европейской средневековой литературе, именно поэтому Т. Возняк включил его в число характерных топосов, сопровождающих сообщения о стихийных бедствиях в европейской историографии [Wozniak 2019: 731–739]. Хотя в летописях Древней Руси упоминание об антропофагии во время голода тоже имеет характер топоса, это не означает, что мы можем считать такие отрывки чисто литературными. На самом деле мы сталкиваемся здесь с вопросом, который сопровождает изучение средневековых топосов в целом: является ли это в той или иной конкретной ситуации исключительно литературным образом, независимым от реальности, или же топос — это фиксированная литературная форма, отражающая явления, которые существовали в реальности?

Степень точности записи отдельных наблюдений в восточнославянских летописях варьируется от наиболее подробных наблюдений, которые можно проверить с помощью современного естественно-научного инструментария, до относительно сухих замечаний, которые, тем не менее, понятны по содержанию. Только одно сообщение из Повести временных лет настолько фантастично, что вызывало скептическое удивление уже у современников, поэтому летописец счел необходимым подкрепить свою интерпретацию облаков, из которых на Севере сыплются детеныши белок и оленей, неоспоримым авторитетом — и добавил в текст отсылку к Хронографу, где можно найти сведения о подобных явлениях [ПСРЛ, I, л. 104].

³ Несмотря на тенденциозность интерпретации данных, ценным является анализ сообщений древнерусских летописей о голодных годах и их климатических и социально-политических причинах, с учетом аналогичных сведений из стран Балтии и Центральной Европы, проведенный в работах [Пашуто 1964: 61–94] или [Idem 2011: 265–317].

Аксиологическая интерпретация стихийных бедствий, исключительных небесных феноменов и место этих явлений в мировосприятии средневековых летописцев уже стали объектом научных исследований⁴. Стихийные бедствия различного рода (включая и экстремальные климатические явления, и вызванные ими голод, эпидемии среди людей и скота) всегда рассматривались как проявление Божьей воли. Идея о том, что Бог посылает беды «за грехи наши», красной нитью проходит через все летописи, призывая людей к покаянию и исправлению, причем летописцы не пытаются уточнить природу самих грехов [Лаушкин 1998: 26–58]⁵. Хотя создатели древнейших летописей сосредоточились исключительно на природных явлениях восточно-европейского пространства, в Галицко-Волынскую летопись однажды попали сведения с очень отдаленной территории. При этом основа интерпретации точно такая же, как и при описании стихийных бедствий, постигших Русь:

начаша повѣдат[и], аже в[ъ] нѣмцех[ъ] вышел[ъ] море и потопило землю гнѣвом[ъ] Б[о]жїим[ъ] – боле ѕї тисач[ъ] д[о]ушъ потонѣло, а ц[ъ]рквей каманых[ъ] р̄ и аї проч[е] древаных[ъ] [МРН II/XVI, 539–540].

Стихийное бедствие может быть не только наказанием, но и предвестником будущих событий и явлений. Таким образом, оно имеет связь как с прошлым, так и с будущим человечества. В Киевской летописи в связи с землетрясением 1195 г. игумены объясняют людям, охваченным ужасом, что «Бг̄ъ проявилъ естъ показаа силуо свою за грѣхи наша да быхом са встали ѿ злаго поути своего». В то же время они интерпретируют землетрясение как знамение будущего кровопролития и сражений на Русской земле, которое, как добавляет летописец, исполнилось [ПСРЛ, 2, л. 238].

В то время как стихийные бедствия трактовались как прямое воздействие карающей руки Бога, исключительные астрономические или оптические атмосферные явления воспринимались как знаки, с помощью которых Бог предупреждает грешное человечество, призывает его покаяться. В то же время подобные явления могут сообщить о том, что произойдет в будущем:

⁴ Наиболее полное исследование этого вопроса провели [Лаушкин 1998: 26–58] и [Мушар 2017: 7–25]. Ср. также: [Шайкин 2002: 105–109]. С точки зрения стилистики и эстетики летописных текстов описание необычных природных явлений исследует [Пауткин 2003: 145–174].

⁵ В Византии идея о том, что стихийные бедствия являются проявлением божьего гнева, была настолько сильна, что в христианских хрониках VI в. слова *землетрясение* (σεισμός) и *гнев Божий* (θεομηνία) функционировали как синонимы – ср.: [Meier 2003: 47].

В си же времена быѣ знаменьє на западѣ звѣзда превелика лучѣ имущи акы кровавы въсходящи с вечера по заходѣ солнечнѣмъ и пребѣи за ѣ днии . Се же проавлаше не на добро посемь бо бѣша оусобицѣ много и нашествие поганыхъ н^а Русьскую землю си бо звѣзда бѣ акы кровава проавлающи крови пролитѣ [ПСРЛ, 1, л. 55об.].

Точно так же Киевская летопись в записи 1161 г. дает необычайно выразительное описание лунного затмения, сопровождающегося множественным красочным эффектом. Согласно памятнику, старые люди говорили, что это плохой знак, так как он предвещает смерть князя — причем предзнаменование исполнилось [ПСРЛ, 2, л. 184об.].

ПВЛ дает развернутое толкование природы небесных знамений, их связи со злом или добром и ссылается на ряд параллелей, подчерпнутых из авторитетных источников [ПСРЛ, 1, л. 55об., ср.: Мушар 2017: 21–22]. Небесные знаменья могли не только быть предвестниками зла, но и предшествовать радостным событиям. В ПВЛ до 1102 г. описывается целая серия небесных явлений, которые оказались предвестниками добра [ПСРЛ, 1, л. 93]. Если же знамение предвещало зло, можно было предотвратить негативные последствия с помощью молитвы и даже обратить их к хорошему итогу [ПСРЛ, 1, л. 93].

За известиями о солнечном затмении очень часто следует информация о смерти какого-либо члена семьи Рюриковичей [Лаушкин 1998: 45]. В случае с солнечным затмением, предвещающим в 1113 г. смерть князя Святополка Изяславича, эта связь четко выражена:

бысть знаменьє въ слѣдѣ . проавлаше Сѣополчю смѣрть . по семь бо присѣтъ празникъ пасхы . и празьноваша . и по празникѣ разболѣса князь . а преста-виса благовѣрныи князь Михаилъ зовемыи Сѣополкъ . мѣца априла . въ . ѡ . днѣ [ПСРЛ, 2, л. 102об.]

Более сложным вопросом является соотнесение этих сообщений с другими летописными сведениями. Чаще всего в летописях находим простую передачу информации, без указаний на взаимосвязь событий [ПСРЛ, 2, л. 105об.]. Остается неясным, можем ли мы считать такое включение информации преднамеренным выстраиванием причинно-следственной связи. Необходимо принимать во внимание строгую дискретность текста и учитывать способ создания летописей. Как отметил А. Лаушкин [1998: 45], отдельная, последовательно передаваемая информация не обязательно возникала в прямой последовательности и авторы могли не рассматривать ее как связанную по смыслу. Однако можно предположить, что в сознании читателя, воспринимавшего записи уже как непрерывный текст, вне зависимости от процесса возникновения текста или непосредственного авторского замысла, информа-

ция, подававшаяся последовательно, связывалась в единое смысловое целое, тем более что иногда все-таки такая связь обозначалась летописцем эксплицитно.

Идея о том, что необычные астрономические явления предвещают смерть исключительного человека, имеет древнюю литературную традицию. В средневековой христианской культуре, несомненно, сильный отклик нашла связь солнечного затмения с распятием Христа⁶. Т. Возняк находит в западноевропейской историографии VI–XI вв. четыре десятка подобных случаев и прослеживает историю этого топоса в европейской письменности со времен античности. В рассмотренных им источниках смерть монархов, пап или архиепископов связана не только с солнечными или лунными затмениями. Чаще в этой роли выступают кометы⁷, есть также сообщения о смерти, связанных с информацией о метеоритных потоках или полярных сияниях [Wozniak 2019: 720–725].

В то же время в древнерусских летописях преимущественно представлена связь смерти Рюриковичей или высших церковных иерархов именно с солнечными или лунными затмениями. Мы можем воспринимать это как специфический взгляд древнерусских книжников на связь исключительных астрономических явлений с человеческой историей.

Латинская литература Западной Европы заимствовала этот топос из античной литературы [Wozniak 2019: 720]. Тем не менее нельзя исключить и роль глубоко архаичных представлений о связи правителя и солнца, которые присущи традиционным культурам разных эпох и территорий. Смерть правителя воспринималась как нарушение всего миропорядка, угроза хаоса.

Жители Древней Руси также переживали моменты, когда исключительные астрономические или метеорологические явления вызывали ощущение, что не только рухнет существующий порядок, но и грядет Апокалипсис, который положит конец истории человечества. В 1230 г. киевляне наблюдали целую серию необычайных природных явлений: 14 мая случилось солнечное затмение, сопровождавшееся оптическими явлениями в атмосфере («столпове черлени, зелени, синии») и огненным облаком, которое прошло над городом, не причинив ущерба, а затем упало в реку Днепр⁸. Свидетели этих явлений впадали

⁶ В Мф 27: 45–54 говорится о солнечном затмении и землетрясении, в Мк 15: 33–38 сообщается только о солнечном затмении.

⁷ Ф. Мушар [2017: 24] находит аналогичный пример также в французской историографии эпохи классического средневековья.

⁸ Д. О. Святский [2007: 54] отвергает интерпретацию «огненного облака» как астрономического явления (например, солнечной короны) и считает, что это было метеорологическое явление. По вопросу библейских и апокрифических коннотаций «огненного облака» см.: [Лаушкин 1998: 57].

в отчаяние, горько плакали, целовались на прощание со своими близкими и молились Богу, ожидая конца своей жизни [ПСРЛ, 1, л. 157]. Впечатляющий характер этих явлений, несомненно, усиливался тем фактом, что общество уже было встревожено землетрясением, которое произошло 3 мая и ощущалось от Новгорода до Киева⁹, а также экстремальными скачками погоды. Несколько засушливых лет сменились холодной и чрезвычайно дождливой погодой¹⁰, весной в течение трех месяцев, не переставая, шли дожди, что вызвало неурожай, дороговизну и голод.

Три десятилетия спустя Галицко-Волынская летопись сообщает об ужасе, который испытали люди, ожидавшие страшных последствий кометы:

В та ж[е] лѣта цвися свѣзда на вѣстоцѣ хвостатаа образом[ъ] страшнѣм[ъ] испущаючи вт[ъ] себе лоуча великы. Си же свѣзда нарицашеса «власатаа», вт[ъ] виденїа же сеа свѣзды страхъ обѣа вса ч[е]л[овѣ]вки и оужась, хитрец[и] же смотрив[ъ]ше, тако рекоша, иже матеж[ъ] великъ бждет[ъ] въ земли, но Б[ог]ъ сп[а]сет[ъ] своею волею...

Затем летописец лаконично завершает тему кометы как знамения:

и не быѥ ничегож[е] [МРН, II/XVI, 452–453].

Сообщения о событиях 1230 г. или комете 1264 г. показывают, что идея о необычных природных явлениях как о божественных знамениях была присуща не только кругу ученых монахов, создавших древнейшие историографические тексты, но и широким слоям общества. Очевидны усилия книжников направить эти эмоции в нужное русло, опровергнуть ложные идеи (например, о том, что солнце съедается во время затмения¹¹ [ПСРЛ, 1, л. 55об.]) и интерпретировать их в духе христианского вероучения. Летописцы различают неопределенный страх и ужас населения («все люди» [ПСРЛ, 2, л. 237об.–238; МРН II/XVI, 453], ложные толкования «неразумных» [ПСРЛ, 1, л. 55об.] и усилия авторитетных членов общества («старые люди» [ПСРЛ, 2, л. 184об.], «мудрые люди» МРН II/XVI, 453, «благословенные игумены» [ПСРЛ, 2, л. 237об.–238]), направленные на верное толкование увиденного и предсказание будущих событий.

⁹ Лаврентьевская летопись описывает землетрясение во Владимире и Киеве [ПСРЛ, 1, л. 157], НПЛ также содержит запись о землетрясении в Новгороде [НПЛ, л. 109об.].

¹⁰ Подробную информацию о погодных колебаниях в отдельные годы XIII в. в Западной, Центральной и Восточной Европе см.: [Бараш 1989].

¹¹ Представление о том, что солнце во время затмения кем-то съедается, широко распространено среди самых разнообразных культур разных времен и разных континентов, что свидетельствует о его глубокой архайчности.

Летописи высказываются о причинах стихийных бедствий, т. е. о человеческих грехах, которые спровоцировали гнев Божий, туманно, и совершенно умалчивают они о том, реагировало ли общество на эти толкования, и если да, то каким образом. Западноевропейские книжки раннего Средневековья описывают посты, коллективную молитву или процессии как инструменты для предотвращения бедствий. В Византии в VI в. несколько серьезных стихийных бедствий, сопровождавшихся экзальтацией, вызванной апокалиптическими ожиданиями, привели не только к конкретным коллективным действиям (например, распространились покаянные процессии), но даже к фундаментальной трансформации духовной жизни и форм религиозной практики (в первую очередь явно возросло значение культа Богородицы [Meier 2003: 45–64]). Летописцы Древней Руси скорее сообщали о будущих событиях, которые должны были затронуть страну в целом, нежели о том, отмечена ли в обществе любая форма рефлексии и попытка найти выход в какой-либо форме религиозно-нравственного возрождения.

Сравнение сообщений о необычных природных явлениях в восточнославянских летописях с отражением этих тем в историографии Центрально-Восточной Европы позволяет выяснить, насколько форма этих записей в обоих культурных кругах определялась общими интерпретационными рамками, основанными на библейской традиции, особенно на Откровении Иоанна Богослова [Откр 6:13; 8:10; 9:1], и насколько специфична интерпретация и работа с информацией такого рода в историографии Древней Руси.

«Чешская хроника» Козьмы Пражского иногда заимствует строгие отчеты о необычных природных явлениях из Продолжения хроники Регино Прюмского. Позже, когда чешский хронист описывает события, близкие ему по времени, информация такого рода приобретает как частотность, так и обширность, например, наводнение 1118 г. становится темой для целой главы [MGH NS/II, 219]. Из того, как Козьма сообщает о комете или солнечном затмении и последующей эпидемии среди крупного рогатого скота, массовой гибели пчел и уничтожении зерна, очевидно, что он видит связь между этими явлениями [MGH NS/II, 233], но в хронике нет никаких общих рассуждений о значении небесных знамений или о трансцендентных связях стихийных бедствий. Данный подход к астрономическим и метеорологическим явлениям характерен и для чешских историографов следующих двух столетий.

Первый продолжатель Козьмы, традиционно именуемый Каноником Вышеградским, выделяется среди других хронистов своим интенсивным интересом к астрономическим явлениям. Его астрономические и метеорологические наблюдения весьма разнообразны, они включают

солнечные пятна, солнечные затмения, лунные затмения, планеты, метеоры, оптические явления в атмосфере (гало, облако вулканической пыли, полярные сияния), и в основном они поддаются проверке современными научными данными. Особенно усердно и точно на протяжении ряда лет он следит за Юпитером, Венерой и Марсом, которые автор называет общим термином «звезда Люцифер»¹². Ф. Линк доказал, что Первый продолжатель Козьмы должен был годами вести записи своих астрономических наблюдений, которые затем использовал при написании хроники [Link 1961: 559–571]. Хотя у него не было университетского образования, которое позволило бы ему понять суть наблюдаемых явлений или уточнить терминологию [Kosiánová 2007: 128, 132], и в Праге того времени, вероятно, не было астрологов, с которыми он мог бы обсудить свои эмпирические исследования, его записи все же вызывают уважение своей точностью [Link 1961: 570].

Этот факт важен и потому, что он ставит под вопрос прямолинейное восприятие синхронных анналов как текстов, содержащих более точную информацию о природных явлениях, чем *ex post* создаваемые историографические труды.

Летопись Сазавского монаха, Градиштенско-Опатовицкие анналы и Второе продолжение Козьмы также содержат множество ценных сообщений об астрономических и метеорологических явлениях, стихийных бедствиях и гибели урожая из-за неблагоприятных температур¹³. Однако никто из создателей этих текстов не уделял такого внимания наблюдению и фиксированию небесных явлений, как Вышеградский каноник. Их астрономические отчеты довольно отрывочны, и хронистов гораздо больше интересуют те природные явления, которые непосредственно повлияли на урожай, а следовательно, и на общие условия жизни населения страны.

В летописях будущие события могут трактоваться и как предвестники надежды и предсказания положительных событий. Создатель «Повествования о злых временах после смерти Пржемысла Отакара II» сообщил о появлении радуги дивной красоты и сияющей звезды,

¹² Хотя традиционно название «Люцифер» используется только для Венеры на утреннем небе, Каноник Вышеградский использует его для разных планет. Ср. «*stella quae Lucifer vocatur*» [FRB II, 224] «*secunda, quae Lucifer dicebatur... tertia, quae priori anno visa fuerat...*» [FRB II, 228], «*novus Lucifer ortus est, sed dissimilis varietatibus praecedenti Lucifero, quem ante memoravi...*» [FRB II, 234].

¹³ Подробное перечисление и характеристику сообщений о природных явлениях в историографии эпохи Пржемысловичей приводит [Bláhová 1992, 831–850]. Есть в чешской историографии XII–XIII вв. и авторы, которые вообще не затрагивают тему природных явлений, например, авторы Летописи Винценция и Ярлоха (или же Милевской летописи), не входящей в традицию Продолжателей Козьмы.

которые вселяли надежду на лучшее будущее в сердца жителей Чешской земли; мудрые ученые мужи, опираясь на эти знаки, предсказали приход Вацлава II, наследника Чешского королевства [FRB II, 365–366].

Однако такие представления редко встречаются в чешских историографических работах. В частности, Вышеградский каноник часто использует термин «*signum*», но он, как доказала Б. Коцианова, не указывает на божье знамение, предзнаменование, послание, а в принципе работает как синоним слова «*monstrum*», то есть используется в значении «чудесное, необычное явление» [Kociánová 2007: 128]:

В 1138 году от воплощения Господня, 26 февраля, видели, как некое знамение наподобие змеи пролетело после захода солнца через всю Чехию в направлении запада; когда оно внезапно исчезло, то оставило после себя кровавые знаки. На протяжении праздника Пасхи, 11 апреля, на небе в северной части появились кровавые знаки наподобие колонн; они разделились на две части и казалось, будто они то сходятся, то расходятся¹⁴.

Здесь, как и в большинстве других сообщений о природных явлениях, интерес выражается к самому феномену, а не к его символическим значениям.

Ни разу чешские анналисты и летописцы не связывают стихийные бедствия или необычайные астрономические явления с божественной карой «за грехи наши». Как указывает Т. Возняк, латинская историография, следуя теологии карающего Бога, использовала топос стихийных бедствий как форму Божьего гнева, но только в связи с врагами, которых Бог таким образом наказывает за насилие над христианами. Если катастрофа затрагивала христианское общество, средневековые историки искали другие формулы интерпретации [Wozniak 2019: 730]. В этом смысле толкование событий книжниками Древней Руси принципиально отличается.

Средневековые чешские историографы никогда не описывают всплески эсхатологических настроений, возникших под влиянием исключительных природных явлений, которые были бы сопоставимы с апокалиптической паникой, зафиксированной в Киеве в 1230 г. Также нет в их трудах упоминания о том, что чешские книжники каким-либо образом пытались исправить представления необразованных людей, толкуя значение небесных явлений, как об этом неоднократно говорят восточнославянские летописи.

¹⁴ «Anno dominicae incarnationis 1138, IV Kal. Martii quoddam signum ad modum serpentis post occasum solis per totam Bohemiam volare ad occidentalem plagam visum est, ipsumque subito evanescens, signa quasi rubea post se reliquit. Infra festum paschae V Idus Maii in aquilonali plaga rubea signa in coelo in modum columnarum apparuerunt, quae in duas partes divisa, quasi certantia modo concurrere, modo refugere videbantur» [FRB II: 228]. Русский перевод цитируется по: [Каноник].

Информация о погодных колебаниях служит не доказательством карающей руки Бога, а информацией об условиях жизни жителей страны в данный год. В отличие от НПЛ, фиксировавшей только сообщения о экстремальной погоде, в результате которой возникала нехватка продовольствия или даже голод, чешские хронисты и анналисты также фиксируют положительную информацию о богатом урожае или нейтральную информацию:

В этом же году был очень большой урожай как озимых, так и яровых; [он был бы еще больше], если бы ему во многих местах не повредил град. Меду было много в равнинных местностях, в лесистых же меньше¹⁵.

Аналогичным образом, во Втором продолжении Козьмы мы читаем:

Вино удивительной крепости уродилось по всей Чехии¹⁶.

Зима была умеренная, не слишком суровая, но и не тёплая¹⁷.

Исключительные астрономические явления вызывают чувство смирения перед божественным величием, не вызывая оцепенения и ужаса:

Я рекомендую прочесть это и современникам, и потомкам главным образом для того, чтобы те, кто менее усерден, знали, что появилась новая звезда; и если они заметят это с неутомимым рвением, то научатся прославлять Бога, удивительного и славного в своих делах, и вместе с тем будут молиться, чтобы Он соизволил так устроить все, что сотворил зримо, чтобы они, восхваляя во всем Его всемогущество, заслужили получить от него обещанные дары спасения. Ибо все это — дела того, о ком известный автор говорит: «Многочисленные звезды, чьи имена, знамения, мощь, пути, места, времена ты один только и знаешь»¹⁸.

¹⁵ MGH SS, NS/II: 225: «Eodem anno maxima fuit ubertas tam autumnno quam vere seminatis in frugibus, nisi quod grando locis nocuit in pluribus; mel autem in campestribus fuit habunde, in silvestribus locis minime». Русский перевод цитируется по: [Чешская хроника].

¹⁶ FRB II: 296: «Vinum miri valoris provinit in toto Bohemia». Русский перевод цитируется по: [Продложение].

¹⁷ FRB II: 289: «Hiems temperata fuit, nec nimis aspera neque lenis». Русский перевод цитируется по: [Пражские анналы].

¹⁸ FRB, II: 224–225: «Hoc ideo maxime tam modernis quam posteris recitandum prae notato, quatenus qui minus studiosi sunt, novam stellam apparuisse noverint, si quo vero id ipsum pervigili studio notaverint, noverint deum mirabilem in operibus suis et gloriosum praedicare, simulque orent, ut cuncta, quae visibiliter operatur, sic ordinare dignetur, quatenus in omnibus omnipotentiam eis laudantes, promissae ab eo salutis dona percipere mereantur. Ipsum enim haec opera sunt, de quo ille egregius autor dicit: Qui stellas numeras, quarum tu nomina solus, Signa, potestates, cursus, loca, tempora nostril». Русский перевод цитируется по: [Каноник].

Если мы немного выйдем за хронологические рамки нашей работы, то обнаружим в Хронике Франтишека Пражского, созданной в середине XIV в., еще более ярко выраженный интерес к небесным явлениям и стремление понять их. Хронист дает исчерпывающую интерпретацию природы солнечных и лунных затмений, а также объяснение сущности Солнца и Луны. Хотя солнечное затмение на протяжении всего Средневековья имело негативные коннотации и было связано с ожиданием трагических событий, Франтишек Пражский считает, что знание природы приводит к размышлениям «о величии и силе Творца в природе и о действии небесных тел», которое должно вести к восхвалению Бога [FRB, NS, I: 169–170].

Таким образом, Франтишек Пражский развивает принцип, который мы находим у Вышеградского каноника по поводу наблюдении планет: эмпирическое изучение природы в первую очередь укрепляет почитание Творца. Позже в «Гуситской хронике» Вавржинец из Бржезовой противопоставляет свое понимание небесного явления идеям необразованных людей [FRB, V: 540]. Однако речь уже не идет о противопоставлении необъяснимого ужаса простого народа и рассудительного отношения священнослужителей, которые дают толкование значения небесного знамения, как это было в древнерусских летописях. Здесь хронист, выпускник университета, способный точно обозначить наблюдаемое явление научным термином, а также понимающий его физическую сущность, противопоставит епископам, прелатам и другим, которые видят в небесном явлении божественное знамение [Kosiánová 2007, 132]. Таким образом, тема экстраординарных астрономических и метеорологических явлений перестает быть частью человеческой истории. Фиксация этих явлений могла постепенно эмансипироваться, приобрести самостоятельное значение, т. е. переставала служить инструментом для понимания истории и, таким образом, выходила за рамки исторического сознания создателей хроник.

Польские и венгерские источники гораздо более скупы на сообщения о необычных природных явлениях по сравнению с древнейшими летописями Руси и чешской историографией эпохи Пржемысловичей.

«Gesta Hungarorum» («Деяния венгров») — это интерпретация древнего прошлого, от которого авторов отделяют многие столетия, поэтому сообщения об исключительных явлениях не только не могли быть записаны, но даже не имели бы смысла в контексте их интерпретации [SRH I: 14–117]. Также Шимон из Кезы в «Gesta Hunnorum et Hungarorum» («Деяния гуннов и венгров») никак не отражает исключительные природные явления [SRH I: 140–194].

Польские анналы XIII в. сообщают об исключительных небесных явлениях или стихийных бедствиях в максимально лаконичной фор-

ме [МРН II: 806, 808, 815]. Для Галла Анонима, автора «Хроники и деяний князей или правителей польских» («Chronica et gesta ducum sive principum Polonorum»), информация такого рода не важна [МРН NS/II]. Точно так же она не представляет интереса для Винцентия Кадлубека [МРН NS/XI], поскольку он пишет не хронологическую историю страны или историю средневекового народа/нации, но воспринимает историографическую работу в первую очередь как моралистический трактат, дающий наставление читателям об истинных добродетелях через образы из прошлого.

Сопоставление сведений об экстраординарных природных явлениях в довольно разнообразном корпусе историографических работ стран Центрально-Восточной Европы и Руси позволяет нам предполагать, что на количество и объем этих сообщений оказывают влияние местная историографическая традиция, жанр и функции конкретного исторического текста, а также личный интерес конкретного автора.

В анналах лаконичные сообщения о том или ином природном явлении фиксируются либо изолированно, либо с очень краткой интерпретацией их последствий или значения. Именно так они появляются, например, в чешской или польской анналистике. В обширных записях летописей и хроник вопрос о последствиях и значении подобных явлений усложняется. Спектр значений данного вида информации шире и во многом зависит от намерений конкретного автора.

На основе изучения латинской историографии XII–XIII вв. Милене Вегманн выделила несколько различных причин, по которым можно было сообщать о природных явлениях: они фиксировались как предупреждение или ради предотвращения будущих бедствий, включались в религиозные интерпретационные рамки, служили нравственными уроками, отражали интерес к природе или пробуждали надежду на предсказание будущего [Wegmann 2005: 129–146]. Однако важная функция этих сообщений, не отмеченная М. Вегманн, относится к сознанию времени. Данные об исключительных природных явлениях, необычных урожаях или неурожаях хранятся в коллективной памяти общества в течение очень долгого времени и служат своеобразной временной шкалой. Представляя эти данные, хронист помещает события «великой истории» в историческое сознание всего общества и связывает в коллективном сознании читателей хронологическую линию своего произведения с течением времени.

Поэтому упоминания о памятных природных явлениях встречаются в основном в историографических текстах, которые строят повествование на основе хронологической оси с абсолютной датировкой. С другой стороны, исторические произведения, задуманные без строгой хронологической линии в качестве основного структурирующего

элемента текста («Gesta Polonorum» Галла Анонима, Хроника Винцентия Кадлубека или «Gesta Hungarorum», «Gesta Hunnorum et Hungarorum» Шимона из Кезы, Галицко-Волынская летопись), либо вообще не дают информации о природных явлениях, либо строят на ее основе определенный микросюжет или усиливают драматичность повествования. Например, информация о чрезвычайно дождливой погоде и наводнениях, постигших Восточную Европу в 1229–1231 гг., не интересует создателя Галицко-Волынской летописи сама по себе, но включается в интерпретацию похода венгерского короля Белы IV на Галич. Таким образом усиливается драматизм изображения военного конфликта, ему придается символический смысл, а ссылка на отрывок о реке Скирт из хроники Иоанна Малалы также задает литературные рамки. Все это приводит читателя к непоколебимому осознанию того, чья борьба справедлива и, следовательно, на чьей стороне Бог¹⁹.

Хотя летописцы Древней Руси допускали возможность экстраординарных природных явлений как добрых предзнаменований, негативные послания и образы различных форм божественной кары «за грехи наши» настолько распространены, что летописи создают впечатление «непрерывного сообщения о бедствиях» [Bieber 2018: 72]. Стихийные бедствия и катастрофы, предвосхищаемые необычайными небесными явлениями, постоянно повторяются в различных формах, поскольку человечество упорствует в грехе. Напротив, в чешской историографии исключительные астрономические явления не обязательно вызывали ужас и сознание греховности человечества, но, напротив, могли вызывать прямой интерес к сути данного природного явления, сопровождаемый чувством восхищенного удивления творением Божьим.

Если в древнейших летописях Руси в связи с необычайными природными явлениями ярко выражена тема предупреждения или прямого наказания за грехи людей, доходящая до ожиданий грядущего конца света, то в центральноевропейской книжности даже в самых драматичных ситуациях мы не находим апокалиптических настроений. Таким образом, метеорологические аномалии и необычные астрономические явления не служат отражением провиденциальной концепции истории.

¹⁹ В ѡшед[ъ]шю же емоу в горы оугор[ъ]ския, посла на н[ъ] Б[ог]ъ архагг[е]ла Михаила ѡт[ъ]творити хлаби н[е]б[е]с[ъ]ныя — конем[ъ] же потопающим[ъ] и самѣм[ъ] възбѣгающим[ъ] на високаа мѣста, ономоу ж[е] ѡдинако оустремив[ъ] шюса прѣати град[ъ] и землю. Данилови же молащюса Б[ог]оу: «Избави их[ъ] Б[ог]ъ ѡт[ъ] ржкы сил[ъ]ных[ъ]. [...] Данил[ъ] же привед[е] к собѣ лахы и полов[ъ]ци Котаневы . а оу корола баху половци бѣговар[ъ]сови. Б[ог]ъ попоусти на на раню фарачновоу. [...] Напад[ъ]шим[ъ] же на на гражаным[ъ], мнѡси выпадаха в рѣкѣ, инѣи же оубѣени быша, инѣи же гдзвени быша, инѣи же изоимани быша, тако инде гл[аголе]тъ, Скрыть рѣка слѣз игроу зыгра /гражаномъ тако и Днѣстръ злоу игроу сыгра/ оугрѡм[ъ] [МРН II/XVI: 149, 152].

Историографические труды средневековой Чехии отражают довольно широкий спектр отношений к фиксации необычных природных явлений: от отсутствия интереса до глубоких эмпирических наблюдений Каноника Вышеградского, от строгой, лаконичной информации до размышлений о величии Бога и необходимости изучать его творение. Если затрагивается тема небесных явлений как знамений, то она выражается только лаконично, без библейских и других древних аналогий и без стремления дать моралистическую трактовку происходящего.

В летописях Древней Руси появляются частные различия в выборе конкретных природных явлений для фиксирования и в интенсивности интереса отдельных летописцев к этим фактам, тем не менее в древнейших историографических текстах отсутствует эмпирический интерес, сравнимый с интересом Каноника Вышеградского. Напротив, четко прослеживается убежденность в том, что необычные астрономические и метеорологические явления представляют собой один из кодов, с помощью которого Бог осуществляет коммуникацию с человечеством. Поэтому их тщательная запись служит инструментом для понимания моральных качеств рода человеческого, сути истории, взаимоотношений человеческого сообщества и Бога. Исключительные природные явления на Руси воспринимались как своего рода зримая, наглядная связь между прошлым, настоящим и будущим: этими знаками Бог дает человечеству понять, что их прошлые и нынешние действия напрямую влияют на то, каким будет будущее. Необычайное небесное явление показывает людям момент, когда они все еще могут изменить свою судьбу, отречься от своих ошибок и встать на путь добра. Если же они этого не сделают, их ждет будущее, полное боли и страданий. В первой половине XIII в., в напряженное время всевозможных бедствий, видение ближайшего будущего приняло апокалиптический характер. Но даже если летописец интерпретирует события в эсхатологических рамках, морально-дидактический этос этих отрывков в текстах разных времен, авторов и регионов вполне отчетлив, и мы можем рассматривать его как общепринятую позицию создателей древнерусских летописей.

Библиография

Интернет-ресурсы

Каноник

Каноник Вышеградский. Продолжение Козьмы Пражского (http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Cont_Viss_Cosma_Prag/frametext.htm).

Пражские анналы

Пражские анналы. Часть I (http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Pragensium/frametext1.htm).

Продолжение

Продолжение Козьмы Пражского Пражских каноников (http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Cont_canonic_Prag/frame-text.htm).

Чешская хроника

Козьма Пражский. Чешская хроника. Книга 3 (<https://www.vostlit.info/Texts/rus/Cosmas/framekniga3.htm>).

Источники

НПЛ

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, А. Н. Насонов, ред., Москва, Ленинград, 1950.

ПСРЛ, 1

Полное собрание русских летописей, 1, Ленинград, 1926–1928.

ПСРЛ, 2

Полное собрание русских летописей, 2, С.-Петербург, 1908.

FRB II

Fontes rerum Bohemicarum, J. Emler, ed., II, Praha, 1874–1875.

FRB, NS, t. I

Fontes rerum Bohemicarum, Series nova, I, J. Zachová, ed., Praha, 1998.

FRB V

Fontes rerum Bohemicarum, V. J. Goll, ed., Praha, 1893.

MGH, SS, NS/II

Cosmae Pragensis Chronica Boemorum, B. Bretholz, ed., *Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum rerum Germanicarum*, Nova series, II, Berlin, 1923.

MPH II

Monumenta Poloniae Historica — Pomniki Dziejowe Polski, II, A. Bielowski, ed., Warszawa, 1961.

MPH NS/II

Anonima tzw. Galla Kronika czyli dzieje książąt i władców polskich, *Monumenta Poloniae Historica*, Series nova, II, K. Maleczyński, ed., Kraków, 1952.

MPH NS/XI

Mistrza Wincentego zwanego Kadłubkiem Kronika Polska, M. Plezia, ed., Kraków 1994.

MPH NS/XVI

Chronica Galiciano-voliniana (Chronica Romanoviciana), D. Dąbrowski, A. Jusupović, eds., *Monumenta Poloniae Historica*, II, XVI, Kraków, Warszawa, 2017.

SRH I

Scriptores rerum Hungaricarum, I, Budapest, 1937.

Литература

Бараш 1989

Бараш С. И., *История неурожаев и погоды в Европе (по XVI в. н. э.)*, Ленинград, 1989.

Борисенков, Пасецкий 1983

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М., *Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв.*, Ленинград, 1983.

Лаушкин 2009

Лаушкин А. В., Массовые бедствия и мотив коллективной ответственности за грехи в древнерусском летописании XI–XIII вв., А. А. Горский, И. Е. Тришкан, ред., *Особенности российского исторического процесса*, Москва, 2009, 62–67.

——— 1998

Лаушкин А. В., Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв., *Русское средневековье*, 1, 1998, 26–58.

Мушар 2017

Мушар Ф., «Небо как открытая книга»: небесные знамения в древнерусском летописании (домонгольский период), *Ruthenica*, Київ, 2017, 14, 7–25.

Пауткин 2003

Пауткин А. А., *Древнерусские летописи XI–XIII вв.: Вопросы поэтики*, Москва, 2003.

Пашуто 1964

Пашуто В. Т., Голодные годы в Древней Руси, *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*, 1964, 61–94.

——— 2011

Пашуто В. Т., *Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи*, Москва, 2011.

Святский 2015

Святский Д. О., *Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения*, Москва, 1915.

Святский 2007

Святский Д. О., *Астрономия Древней Руси*, Москва, 2007.

Шайкин 2002

Шайкин А. А., «Сица знаменья не на добро», *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 9, 2002, 105–109. Bieber 2018

Bieber 2018

Bieber U., Katastrophen und Seuchen in altrussischen Chroniken, Ch. Rohr, U. Bieber, K. Zeppezauer-Wachauer, eds., *Krisen, Kriege, Katastrophen. Zum Umgang mit Angst und Bedrohung im Mittelalter*, Heidelberg, 2018, 57–75.

Bláhová 1992

Bláhová M., Natur und Naturerscheinungen. Ihre Zusammenhänge in der böhmischen Geschichtsschreibung der Přemyslidenzeit, A. Zimmermann, ed., *Mensch und Natur im Mittelalter*, 2, Berlin, 1992, 831–850.

Brázdil et al. 2012

Brázdil R., Chromá K., Dobrovolný P., Černoch Z., The tornado history of the Czech Lands, AD 1119–2010, *Atmospheric Research*, 118, 2012, 193–204.

Guimon 2021

Guimon T. V., *Historical writing of Early Rus (c. 1000–c. 1400) in a comparative perspective*, Leiden, Boston, 2021.

Huhtamaa 2015

Huhtamaa H., Climatic anomalies, food systems, and subsistence crises in medieval Novgorod and Ladoga, *Scandinavian Journal of History*, 40, 2015, 562–590.

Kociánová 2007

Kociánová B., Draco vel hasta vel columna. Pojmenování atmosférických jevů v bohemikálních latinských středověkých pramenech, Z. Silagová, H. Šedinová, P. Kitzel, eds., *Donum magistrae: ad honorem Dana Martínková*, Praha, 2007, 118–139.

Link 1961

Link F., Astronomické zprávy v kronice Vyšehradského kanovníka, *Československý časopis historický*, 9, 1961, 559–571.

Link 1962

Link F., Observations et catalogue des aurores boréales apparues en Occident de 626 à 1600, *Geofysikální sborník*, 173, 1962, 297–391.

Meier 2003

Meier M., Zur Wahrnehmung und Deutung von Naturkatastrophen im 6. Jahrhundert n. Chr., D. Groh, M. Kempe, F. Mauelshagen, eds., *Naturkatastrophen. Beiträge zu ihrer Deutung, Wahrnehmung und Darstellung in Text und Bild von der Antike bis ins 20. Jahrhundert*, Thübingen, 2003, 45–64.

Setvák et al. 2003

Setvák M., Šálek M., Munzar J., Tornadoes within the Czech Republic: From Early Medieval Chronicles to the «Internet Society», *Atmospheric Research*, 67, 2003, 589–605.

Wegmann 2005

Wegmann M., *Naturwahrnehmung im Mittelalter im Spiegel der lateinischen Historiographie des 12. und 13. Jahrhunderts*, Bern, 2005.

Wozniak 2019

Wozniak T., *Naturereignisse im frühen Mittelalter: Das Zeugnis der Geschichtsschreibung vom 6. bis 11. Jahrhundert*, Berlin, 2019.

References

Barash S. I., *Istoriia neurozhaev i pogody v Evrope (po XVI v. n. e.)*, Leningrad, 1989.

Bieber U., *Katastrophen und Seuchen in altrussischen Chroniken*, Ch. Rohr, U. Bieber, K. Zeppezauer-Wachauer, eds., *Krisen, Kriege, Katastrophen. Zum Umgang mit Angst und Bedrohung im Mittelalter*, Heidelberg, 2018, 57–75

Bláhová M., *Natur und Naturerscheinungen. Ihre Zusammenhänge in der böhmischen Geschichtsschreibung der Přemyslidenzeit*, A. Zimmermann, ed., *Mensch und Natur im Mittelalter*, 2, Berlin, 1992, 831–850.

Borisov E. P., Pasetskii V. M., *Ekstremal'nye prirodnye iavleniia v russkikh letopisiakh XI–XVII vv.*, Leningrad, 1983.

Brázdil R., Chromá K., Dobrovolný P., Černoč Z., *The tornado history of the Czech Lands, AD 1119–2010*, *Atmospheric Research*, 118, 2012, 193–204.

Guimon T. V., *Historical writing of Early Rus (c. 1000–c. 1400) in a comparative perspective*, Leiden, Boston, 2021.

Huhtamaa H., *Climatic anomalies, food systems, and subsistence crises in medieval Novgorod and Ladoga*, *Scandinavian Journal of History*, 40, 2015, 562–590.

Kociánová B., *Draco vel hasta vel columna. Pojmenování atmosférických jevů v bohemikálních latiných středověkých pramenech*, Z. Silagová, H. Šedinová, P. Kitzel, eds., *Donum magistrae: ad honorem Dana Martínkové*, Praha, 2007, 118–139.

Laushkin A. V., *Massovye bedstviia i motivy kollektivnoi otvetstvennosti za grekhi v drevnerusskom letopisanii XI–XIII vv.*, A. A. Gorskiĭ, I. E. Trishkan, eds., *Osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa*, Moscow, 2009, 62–67.

Laushkin A. V., *Stikhiinye bedstviia i prirodnye znameniiia v predstavleniakh drevnerusskikh letopistsev XI–XIII vv.*, *Russkoe srednevekov'e*, 1, 1998, 26–58.

Link F., *Astronomické zprávy v kronice Vyšehradskeho kanovníka*, *Československý časopis historický*, 9, 1961, 559–571.

Link F., *Observations et catalogue des aurores boréales apparues en Occident de 626 à 1600*, *Geofysikální sborník*, 173, 1962, 297–391.

Meier M., *Zur Wahrnehmung und Deutung von Naturkatastrophen im 6. Jahrhundert n. Chr.*, D. Groh, M. Kempe, F. Mauelshagen, eds., *Naturkatastrophen. Beiträge zu ihrer Deutung, Wahrnehmung und Darstellung in Text und Bild von der Antike bis ins 20. Jahrhundert*, Thübingen, 2003, 45–64.

Mushar F., «Nebo kak otkrytaia kniga»: *nebesnye znameniiia v drevnerusskom letopisanii (domongol'skii period)*, *Ruthenica*, Kyiv, 2017, 14, 7–25.

Pautkin A. A., *Drevnerusskie letopisi XI–XIII vv.: Voprosy poetiki*, Moscow, 2003.

Pashuto V. T., *Golodnye gody v Drevnei Rusi*, *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*, 1964, 61–94.

Pashuto V. T., *Rus'. Pribaltika. Papstvo. Izbranye stat'i*, Moscow, 2011.

Setvák M., Šálek M., Munzar J., *Tornadoes within the Czech Republic: From Early Medieval Chronicles to the «Internet Society»*, *Atmospheric Research*, 67, 2003, 589–605.

Shaikin A. A., «Sitsa znamen'ia ne na dobro», *Drevniia Rus'. Voprosy medievistiki*, 9, 2002, 105–109.

Sviatskii D. O., *Astronomicheskie iavleniia v russkikh letopisiakh s nauchno-kriticheskoi točki zreniia*, Moscow, 1915.

Sviatskii D. O., *Astronomiia Drevnei Rusi*, Moscow, 2007.

Wegmann M., *Naturwahrnehmung im Mittelalter im Spiegel der lateinischen Historiographie des 12. und 13. Jahrhunderts*, Bern, 2005.

Wozniak T., *Naturereignisse im frühen Mittelalter: Das Zeugnis der Geschichtsschreibung vom 6. bis 11. Jahrhundert*, Berlin, 2019.

Doc. Mgr. **Jitka Komendová**, Ph.D.
Filozofická fakulta Univerzity Palackého, docent na katedře slavistiky
Křížkovského 10
77180 Olomouc
Česká Republika / Czech Republic
jitka.komendova@seznam.cz